

Петр Толочко

«Емше, влачаху поверзше ужи за ноги»

Хорошо известен эпизод *Киевской летописи*, описывающий драматическую смерть в 1147 г. князя Игоря Ольговича от рук восставших киевлян. Это странное повествование идеологически и по стилю заметно отличается от окружающего летописного текста и составлено церковным лицом в жанре житийного сказания.

Содержательно оно подчинено идее прославления черниговского князя, как нового мученика, пострадавшего за веру и «люди своя». Угадывая замысел киевлян, Игорь, по словам летописца, желал себе мученической смерти:

и размышлаше . въ ср̑ци своемъ . тако толикы стр̑ти и различнаа см̑рти на праведники находили соуть . и како ст̑ии пр̑рци ап̑ли съ м̑н̑кы в̑нцаша^б и по Г̑д̑ крови своя прольаша . и како ст̑ии с̑щенном̑н̑ци пр̑п̑бнии ѿ̑ци многыа напасти . и горкыа моукы . и различныа см̑рти приаша [...] ихже м̑лтвами Г̑и причти ма избраномъ твоємъ стад̑ . съ десными ма в̑цями [...] се ны̑ аще кровь мою прольють то м̑н̑къ боудоу Г̑оу моемоу¹

Совершенно очевидно, что святость Игоря будет моделироваться повествователем по типу «страстотерпцев», принявших муки, аналогичные страстям Христовым. Особенностью смертной расправы над Игорем явилось и то, что совершилась она не столько над князем, сколько над благочестивым монахом, человеком божьим, о чем толпе напоминал сам Игорь:

в зако(но)престоупници врази всеа правды Х̑ви ѿметьници . почто ѿако разбоиника . хошете ма оубити . аще кр̑ть ц̑ловал̑ есте ко мн̑ рекоуще ѿако им̑ти ма соб̑ к̑земъ . ны̑ оуже и всего того не поманоуль бых̑ . зане сподобиль ма Б̑ . мнискыи чинь въсприати²

Увещевания Игоря не произвели на толпу никакого впечатления. «Лоукавыи же неч̑тивыи сбор̑, – как пишет летописец, – ѿако зв̑рье сверьпии» набросился на Игоря. На паперти церкви святого Федора убийцы разодрали на нем монашескую одежду и повели из монастыря. На Мстиславлем дворе, где Игоря пытался

---

1 ПСРЛ 2: 350.

2 ПСРЛ 2: 351.

укрыть Владимир Мстиславич, он был вновь достигнут преследователями. Почти бездыханного и нагого его привязали веревкой за ноги и протянули от Мстислава двора, через площадь Бабин торжок, на княж-двор, где и прикончили:

и поверзыше оужемъ за ногы . оуворозиша . и ѣще живоу соущоу емоу рѣгающеса
цѣрскомо и сѣеномѣ тѣлоу . и волокоша и съ Мьстиславла двора чересь Бабинь
торжекъ на кнѣж дворъ и тоу прикончаша и³

После этого тело Игоря отвезли на подольское Торговище (что равнозначно выволакиванию за город) и там подвергли поруганию: «и повергоша пороуганью . незаконнии несъмьслении . всѣтпленни шцима . своима»⁴.

Таковы ли были действительные детали происшедшего, сказать трудно, тем более, что, как увидим ниже, у эпизода имеется прямой литературный источник.

Но история эта имела продолжение.

В 1156 г. киевскую кафедру занял митрополит Константин, присланный из Константинополя со специальным заданием ликвидации «Климовой схизмы». Среди крутых мер, предпринятых новым митрополитом, было анафематствование Изяслава Мстиславича, патрона Клима и косвенного виновника убийства Игоря Ольговича. Через три года, когда киевским князем стал Мстислав Изяславич, митрополит Константин, опасаясь возмездия, бежал в Чернигов, где князем был брат Игоря — Святослав Ольгович, а епископом — грек Антоний, пришедший из Константинополя, по-видимому, вместе с Константином.

Константин так и умер в Чернигове. Его завещание было примечательным: он приказал не предавать свое тело обычному погребению, но, привязав веревкой за ноги, выволочь за пределы города и бросить на съедение псам:

быѣ же и смѣрть яго сица . яко ѡмираючи ему призва к собѣ епѣпа Черниговского
. Антонья . заклать и глѣ сице . яко по ѡмертвии моеѣ не погребешь тѣла моего.
но ѡжемъ поверзше за нозѣ мои . извлечѣте ма из града . и поверзѣте ма псомь .
на расхѣтанье⁵

В литературе уже указывалось, что обе смерти – Игоря и Константина – связаны между собой, причем завещание митрополита апеллирует к мученичеству князя-монаха⁶. Тем не менее, в недавней статье⁷ Анна Литвина и Федор Успенский отвергли такое предположение, объяснив необычное завещание митрополита Константина известной (преимущественно в восточной церкви) практикой крайней аскезы, поношения останков и отказа от погребения. Авторы посетовали, что А.П. Толочко не нашел нужных источников, которые могли бы служить

3 ПСРЛ 2: 352–353.

4 ПСРЛ 2: 353.

5 ПСРЛ 1: 349.

6 Толочко О. Смерть митрополита Константина. До розуміння давньоруської моделі святості. *Mediaevalia Ucrainica*, 2, 1993, 30–48

7 Литвина А., Успенский Ф. Что стоит за отказом митрополита Константина от христианского погребения в 1159 г.? *Ruthenica*, VIII, 2009, 9–31.

непосредственным образцом для поступка митрополита, да к тому же некорректно трактовал смерть митрополита Константина как попытку повторения «страстотерпства». К сожалению, названным авторам также не удалось найти непосредственный источник для летописного описания поступка Константина. Между тем, такой источник имеется и решает спор, скорее, в пользу мнения А.П. Толочко.

Первым епископом Херсонеса Таврического (Херсона) был некий Василий, направленный из Иерусалима для обращения города «в шестнадцатый год правления Диоклетиана». Василий проповедовал и совершил несколько чудес, что навлекло на него гнев язычников и иудеев. Разъяренной толпой он был убит. Его останки были похоронены вне пределов города, а впоследствии над ними был возведен мученик, недавно, как кажется, позитивно идентифицированный археологически⁸. В *Прологе* известно краткое житие Василия и первых херсонских епископов, помещенное под 7 марта⁹.

Именно здесь находим точную текстуальную параллель как к смерти митрополита Константина, так и предшествующему убийству Игоря Ольговича:

невѣрнн же разгнѣвашесе. емше владоху поверзше ужи за ногъ. и влаучнмь оумръ¹⁰

Создание *Пролога* теперь датируют 60-ми гг. XII в.¹¹, то есть вскорости после смерти Константина. Было бы соблазнительно предположить, что, натолкнувшись в этом, еще новом, сборнике житий на подходящий агиографический эпизод, решили заимствовать его для описания киевских событий 1147 г. и черниговских 1159 г. Однако многие детали летописных описаний с несомненностью указывают, что в формировании их литературного облика принимало участие и пространное житие херсонских епископов.

Славянский текст *Жития херсонских святых* известен в двух переводах: первый входит в состав *Супрасльской рукописи* XI в. и был неоднократно опубликован. Второй перевод известен по *Четьим минеям* митрополита Макария XVI в. Несмотря на значительную хронологическую дистанцию, оба перевода относят к довольно раннему времени и связывают с Преславской школой перевода¹². Тексты обеих версий, впрочем, весьма близки, достигая порой буквального сходства. Именно в пространном житии находим многие мотивы, ставшие продуктивными для летописи.

Епископ Василий подвергался нападкам и избиениям от жителей Херсона, что и заставило его удалиться из города: града того мѣжн. рннѣша сѧ на оуко-

8 См.: Сорочан С.Б., Крупа Т.М. Мученик св. Василия в византийском Херсоне. *Археологічні дослідження в Україні в 2004–2005 рр.* К., Запоріжжя, 2006, 329–334.

9 См.: Сергей, арх. *Полный месяцеслов Востока.* Т. 2. *Святой восток.* М., 1876, 72–73 втор. паг.

10 Цит. по изданию: Лавров П. *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности* [Памятники христианского Херсонеса, вып. 2]. М., 1911, 169.

11 См.: Лосева О.В. *Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков.* М., 2009, 23–128.

12 См.: Чернышева М.И. Замечания о языке славянской версии «Жития херсонских святых». *Очерки истории христианского Херсонеса [Херсонес христианский]*, вып. 1]. СПб., 2009, 118–138.

рнзны и быенны. не послоушашште его. отъ нечюувьствѣнѣ одрѣждашта нх прѣльстн. тѣмже стѣн епѣ въ сѣкровьнѣ мѣстѣ съда въ пештерѣ прѣбывааше¹³. После чуда с воскресением сына некоего вельможи гнев горожан достиг предела: они пришли в пещеру к святому, выволокли его, повязали за ноги веревкой и владчили по городу пока, наконец, святой не умер. Тело же его выволокли через городские ворота и выбросили на съедение зверям:

ѣакоже рнзѣвнѣтн еаннѣ. и на оубон стѣаго дрѣзнѣтн. и прншѣд'ше въ пештерѣ ндеже жнтнѣ нмѣаше стѣн епѣ. и обрѣтше его и поврѣзѣше и за нозѣ. владчашѣ и по гостннцоу градъноуоумоу. прншѣд'ше же на то мѣсто. ндеже нзына крѣстѣанн стѣлпѣ поставнша. жнвотвораштнн крѣстѣ нмѣштѣ на себѣ. самѣ тѣ стѣн епѣ отъдастѣ дшѣ. тѣло же вѣк'ше вѣнѣ вратѣ слышаштннхѣ са нѣра. нзвѣк'ше. поврѣгоша псомѣ на ѣдѣ¹⁴.

Святость останков была удостоверена чудесными знамениями: тело епископа не просто оказалось цело, но звери даже приходили сторожить его, а над телом замечен был чудесный свет:

Лежаштоу же ѣмоу на многы д'нн. промысломѣ бжнѣмѣ. не оставыаѣштннмѣ и по сѣмрѣтн стѣаго его тѣла. вѣкѣ ноштнѣ прнсѣдѣаше оу тѣла на съблюденѣ ѣмѣ. звѣздѣ свѣтѣлѣ снаѣштн на мѣстѣ томѣ ндеже лежаше¹⁵.

Распознав несомненные признаки святости, «еллины» уверовали и похоронили тело Василия:

тѣгда нже тѣмѣ прѣстѣимѣ мѣжемѣ хѣовн вѣровавѣшнн. належаштааго радн страха. отъ множества еаннѣ. погребоша ноштнѣ стѣнѣ его тѣло. вѣнѣ стѣнѣ на западѣ града. ванзѣ тожде стѣнѣ¹⁶.

Параллель со смертью митрополита Константина в Чернигове явная и становится еще более очевидной, если принять во внимание ту более пространную версию его жития (сохраненную в *Московском летописном своде конца XV века*), что стала основой для сжатого пересказа в *Лаврентьевской летописи*:

по умертвии моемъ [завещал митрополит — П.Т.] не погребите тѣла моего, но повергъше его на землю и поцѣплъше ужемъ за нозѣ и извлекше изъ града, поверзите на ономъ мѣстѣ”, имя нарекъ ему, “псомъ на расхыщение”. Диви же ся тому много князь и епископъ. Та же створи епископъ повелѣнное ему, и поверже на уреченном мѣстѣ тѣло его; народи же вси дивнися о смерти его. И лежа внѣ града тѣло его три дни; и по томъ же Святославъ князь о вещи сеи страхомъ велиемъ и ужастью одержимъ бѣ, и убоявся суда Божия, и повелѣ въ третии день взяти

13 Цит. по изданию: Лавров П. *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности*, 160.

14 Лавров П. *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности*, 161.

15 Лавров П. *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности*, 161

16 Лавров П. *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности*, 161

тѣло его и повелѣ нести въ градъ с великою честью; не прикосну же ся е въ ты и дни ничто же к тѣлу тому, но цѣло и невредимо бысть ничимъ же; и внесше и въ градъ, положиша у святаго Спаса, идѣ же Игорь лежитъ Ярославичъ, в теремци¹⁷.

При всей очевидности сходства мотивов и ситуаций, оставляющих мало сомнений в том, что они заимствованны из *Жития херсонских святых*, буквальных текстуальных параллелей ни версия *Супрасльскаго сборника*, ни *Макаръевских Четых Минеи* не дают. Напротив, буквальное совпадение (ср.: Игорь: «поверзше оужемъ за ногы»; Константин: «Ѹжемъ поверзше за нозѣ мои»; *Пролог*: повръзше оужн за нозѣ. н влачнмъ ; *Супр.*: н повръзше н за нозѣ. влачлахъ; *Четы Минеи*: н свзавше ем8 нозн влачнша) обнаруживается в проложном житии херсонских мучеников, где, однако, отсутствуют все важные эпизоды.

Создается впечатление, что автор/авторы житийных повестей об Игоре и Константине, зная содержание *Жития херсонских святых*, не пользовались славянским текстом. Можно высказать предположение, что основой для составления летописных эпизодов послужил греческий текст *Жития херсонских святых*¹⁸.

Это предположение не выглядит совершенно беспочвенным. Митрополит Константин не случайно бежал в Чернигов. Кроме политической защиты, там он обрел и сподвижника – епископа Антония, грека, пришедшего на Русь вместе с Константином. Таким образом, в Чернигове в 1159 г. образовался оппозиционный Киеву церковный кружок, состоявший из значительного числа греческого по происхождению клира. Есть основание полагать, что он и озаботился прославлением Игоря Ольговича, как первого местночтимого святого. Это определенно соответствовало желанию черниговского князя Святослава Ольговича, который еще в 1150 г. перенес останки брата из Киева и захоронил их в особо устроенной гробнице у Святого Спаса: «В то же верема Сѣославъ Ѡлговичъ . перенесе мощи брата своего Игоря . ѡ сѣго Семена ис Копырева конца . в Черниговъ . и положиша оу сѣго Сѣса в теремѣ»¹⁹.

Трудно со всей точностью утверждать когда именно, но несомненно в этом кругу «черниговских греков» с подсказки епископа Антония и в укоризну киевским властям, были созданы *Житие* Игоря и апеллирующее к нему *Житие* митрополита Константина. Оба текста восходят к *Житию херсонских святых* и уподобляют летописных персонажей мученику Василию. Характерно, что между князем-иноком и митрополитом как бы разделены эпизоды мученичества и чудес Василия.

Вряд ли следует сомневаться в том, что сказание о мученической кончине Игоря Ольговича создавалось как обоснование его святости. Как известно, для провозглашения человека святым требовалось, чтобы после смерти он творил

17 *ПСРЛ* 25: 66–67.

18 Модальность здесь необходима, так как «известный науке сохранившийся греческий текст к «Житию херсонских святых» сильно отличается от того, который послужил оригиналом для славянского перевода» (Чернышева М.И. Замечания о языке славянской версии «Жития херсонских святых», 118).

19 *ПСРЛ* 2: 408.

чудеса. В случае с Игорем имело место и это. Когда его тело было положено в церкви св. Михаила, что на Подоле, то «на тоу ночь Бѣ проави над ни^м знамение велико . зажоша^е свѣчѣ вси над ни^м въ . цркви тои». Новгородцы, которым принадлежала церковь, рассказали об этом митрополиту, но он «запрѣти да никомоу же не повѣдать но повелѣ потаити такоую блѣть Боу явлешю над ни^м»²⁰. Кроме того, как утверждает летописец, быстро возникло убеждение в целительной силе мощей Игоря: «члвци же блговѣрнии . приходяще взимахоу ѿ крове его и ѿ прикова соушаго на немъ . на тѣлѣ его . на спѣние себе . и на исцѣление»²¹.

Трудно судить, когда установилось почитание Игоря. Память Игоря и Константина отмечается 5 июня, следовательно приурочена к дню перенесения мощей Игоря из Киева в Чернигов в 1150 г. При том, что ее содержат только поздние минеи и месяцесловы, трудно сомневаться в домонгольском происхождении совместного почитания святых²².

В заключение попытаемся ответить на естественный вопрос, когда это черниговское *Житие* Игоря оказалось в *Киевской летописи*? Сколько-нибудь убедительных данных для этого, разумеется, нет. И, тем не менее, вряд ли будет большой натяжкой, если предположить, что это могло случиться или во время великого киевского княжения Святослава Всеволодовича, являвшегося внучатым племянником Игоря Ольговича и имевшего своего летописца, или при составлении *Киевского летописного свода* 1198–1200 гг. летописцем Моисеем. Что это в принципе было возможным свидетельствует некролог черниговскому князю Всеволоду Святославичу, вставленный Моисеем в свой свод из *Черниговской летописи* и украшенный его характерным дополнением: «давѣ вбщии долгъ . емоу же нѣ^е оубѣжати всакомоу роженомоу»²³. В свое время к аналогичному выводу приходил и М.Д. Приселков, считавший, что *Киевский свод* 1200 г. широко использовал черниговский летописец Игоря Святославича, который узнается по записям, уделяющим внимание семейным делам этого князя²⁴.

Інститут археології НАН України

20 ПСРЛ 2: 354.

21 ПСРЛ 2: 353.

22 Сергей, арх. *Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Святой восток*, 149 первой. паг. Голубинский Е.Е. *История канонизации святых в русской церкви*. Изд. 2-е. М., 1903, 58. прим. 4.; О том, когда произошло церковное прославление Константина в источниках сведений нет. Исходя же из того, что летописное описание обстоятельств его погребения почти в точности повторяет житийный рассказ о погребении священномученика херсонеского Василия, а также принимая во внимание, что день памяти Константина соединен с днем памяти Игоря Ольговича, можно предполагать, что случилось это еще в древнерусское время. Нетронутость тела Константина определенно была воспринята современниками как чудо. Видимо, и другие чудеса, описанные в летописном своде XV в., были придуманы тогда же.

23 ПСРЛ 2: 692.

24 Приселков М.Д. *История русского летописания XI–XIV вв.* Л., 1940, 49.